

ПАТОЛОГИЯ ОТКРОВЕННОСТИ ОТ ЛАУРЕАТА НОБЕЛЯ

Анни Эрно. Женщина / Пер. М. Красовицкой. М.: No Kidding Press, 2022. — 80 с.

Первую Нобелевскую премию по литературе получил французский поэт Сюлли-Прюдом (настоящее имя Рене Франсуа Арман Прюдом), на протяжении более ста лет лауреатами премии стали еще пятнадцать его соотечественников, в этом году этот список пополнила французская писательница Анни Эрно.

Анни Эрно родилась в 1940 году в Лилльбонне, небольшом городке на севере Франции. Она вошла в литературу в 1974 году с романом «Les Armoires vides» и с тех пор опубликовала еще двадцать две книги, на русский язык были переведены лишь девять из них. Книга «Женщина» («Une Femme», 1987) стала пятым произведением писательницы, но в руки русского читателя попала только в этом году. Она посвящена смерти *«самой значимой женщины»* в жизни Анни Эрно — матери.

Не раз отмечалось литературоведами и переводчиками, что проза Анни Эрно автобиографична и отчасти даже социологична, настолько точно она изображает классовые предрассудки, находящие свое отражение не только в мышлении человека, но и в быту или даже тесном семейном кругу. Складывается ощущение, что Эрно пытается написать дневник длиною в жизнь, называя вещи своими именами и не скупясь

на детали и реалии повседневной жизни Франции. Маленькая книжка перед нами — отрывок из этого дневника, — кажется, концентрирует в себе все черты, свойственные последующей прозе Эрно.

Это ни в коем случае не биография и не роман. Возможно, нечто среднее между литературой, социологией и историей.

«Женщина» — это очерк жизни не столько матери, сколько обычной женщины от рождения в 1906 году до смерти в 1987 году. Цель замысла — «выяснить правду» о матери — очень похожа на попытку дочери смириться с утратой и доказать всему миру, в том числе самой себе, что ее мать была настоящей, существовала в этом мире, что ее смерть совсем не изменила этот факт. Чуть меньше половины повествования занимает «архивная» работа дочери — жизнь мамы до того момента, когда появились личные воспоминания о ней, в остальном можно найти все больше и больше субъективного, личного восприятия этой женской фигуры. Особенно сильно взгляд на материнскую фигуру — не «изнутри», а «со стороны» — заметен в моментах, когда мать и дочь общаются урывками или в письмах. Это наталкивает на мысль, что на самом деле книга совсем не об одной женщине, а сразу о двух — о матери и о дочери.

Отношения отцов и детей — одна из вечных тем в искусстве и в литературе в частности. Анни Эрно удастся очень точно отразить все этапы развития отношений мамы с дочкой. После рождения ребенка безусловная любовь к нему и непосредственное детское восхищение в ответ. Потом вынужденная строгость в воспитании, отдаление друг от друга во время подросткового периода, столкновение взглядов на жизнь. Затем любовь на расстоянии, когда ребенок вырастает и находит свое место в мире, заводит свою собственную семью. И последнее — воссоединение, когда приходит уже очередь дочери позаботиться о своей маме. Как бы ни пыталась дочь объективно представить жизнь своей матери в отрыве от ее родительского статуса, в повествование все равно проскальзывает голос обиженного ребенка. Он не бросает обвинений, но все же не может примириться с определенными поступками матери или жизненными обстоятельствами, с которыми сталкивается сам.

Я не хотела, чтобы мама впадала в детство. Она «не имела права».

Отдельного внимания заслуживает эпизод с развитием болезни Альцгеймера в конце жизни матери. На этом моменте повествование будто «переламывается» коротким предложением: «Она изменилась». Незначительные изменения в поведении и привычках становятся самым первым симптомом заболевания — тем, что могут заметить только самые близкие люди. В этот момент «умирает» та женщина, о которой нам рассказывали до сих пор. Она читала книги и газеты, управляла магазином и любила повторять, что «свой ум надо наполнять». Теперь она становится заложницей собственного ума, а ее дочь — заложницей обстоятельств. Инфантильные, отчаянные мысли вроде той, что мама «не имеет права» на такое состояние, боль в животе, перепады настроения, нездоровые реакции на обычные вещи — дочь будто сходит с ума вместе с матерью. Даже самому скупому на эмоции читателю сложно не отметить в этом отчаяние и невыносимость мысли о скорой потере.

Стоит ли упоминать, что текст сам по себе очень «женский»? Родается совсем не изящная тавтология, но в нем действительно доминирует мир женщины, не только отражающий ее мысли и стремления, но и наполненный соответствующими атрибутами: платьями, шляпками, косметикой, женскими журналами, предметами гигиены,

физиологическими подробностями женского организма и так далее. Все мужские фигуры, так или иначе, отходят на задний план, а широкие и подробные описания быта или событий, характерные для художественной литературы, сжимаются до простой и краткой констатации факта.

Некоторые из «фактов» закономерно привлекают внимание. Например, рассказ о смерти первого ребенка матери от болезни или упоминание *«младенцев, умирающих от жестокого поноса за два часа»*, как одного из показателей бедности города и, наконец, внезапное *«у нее уже два месяца нет менструации»* как рядовой признак, что женский организм начинает неизбежно стареть. Подобные натуралистические элементы наравне с почти клиническими описаниями психологических реакций человека прекрасно вписываются в лаконичный стиль писательницы и придают тексту болезненную и даже патологическую откровенность.

В этих обстоятельствах публикация книги будет означать лишь одно: окончательную смерть моей матери.

Смерть — точка отсчета для повествования, и к этой же точке оно неумолимо стремится. Более того, дочь постоянно прерывает свой рассказ о матери и возвращается к моменту, когда та уже умерла. Кажется, что именно это спасает читателя от банальной скуки. Обилие дат, бытовых деталей и биография, казалось бы, обычной женщины не смогут заставить его заснуть на середине книги. Он никогда не заблудится в ровных рядах предложений, из которых не выкинешь ни слова, потому что начало *«мама умерла»* не даст ему забыть, чем закончится история. Сама же история, начинаясь реальной смертью, заканчивается смертью метафорической и по закону литературы окончательной — дочь смиряется с утратой.

Я начала два месяца назад, написав на листе бумаги: «Мама умерла в понедельник 7 апреля». Теперь я могу принять эти слова, прочесть их так, словно это написал кто-то другой.

Литература, подобная прозе Анни Эрно, призвана исцелять читателей, этакая терапия с помощью слова, мобилизующая все психические силы человека. Те, кто пережил или переживает трудные времена, взяв в руки книгу и заметив там аналогичные события, должны понять, что они не одиноки в своей боли. Достаточно легко поверить, что «Женщина» стала своеобразным исцелением для автора. Но может ли она стать исцелением для читателя?

Вряд ли здесь можно ответить однозначно. Книги Эрно, и в частности «Женщина», лишены прямой рефлексии, что отчасти и делает их художественной литературой, а не пособием по психологической «самопомощи». Творчество Анни Эрно по праву занимает особое место в жанре автофикшн, ведь мир, так правдиво изображаемый писательницей, подобно реальному миру не дает прямых ответов на вопрос о том, как справиться с потерей. Если, конечно, вам не подойдет совет «напишите об этом книгу».

Скорее всего, «Женщина» не принесет вам облегчения, и даже больше — она надолго оставит вас наедине с болезненными впечатлениями. И все же ей есть чему научить своего читателя, она учит использовать слова как лекарство. По завету Эрно, главное в таком деле — откровенность.

Екатерина ШЛЫКОВА